

Смотровая вышка была возведена менее чем за сутки. А-Синь приказала построить её позади засохшего дерева, сучья которого идеально скрывали саму конструкцию. У того, кто поднимался на самый верх дозора, голова как раз высывалась из развилки ветвей на вершине, и это ничуть не загораживало обзор и позволяло полностью прятать тело. Вышку строили в спешке, но на совесть: она была грубой, но надёжной. Чжэнь Вэньцзюнь лично поднималась наверх, чтобы проверить её. Конструкция стояла прочно и не качалась ни на долю вершка. Однако разглядеть в деталях происходящее в Мэнляне, что лежал в пятнадцати ли от них, отсюда было трудно.

Но там, где не справлялись обычные глаза, орлиный взор А-Синь безошибочно подмечал любые зацепки.

- В восточной части города винные кувшины навалены целыми горами, музыка не утихает ни на миг. Настоящие винные озёра и мясные берега, развратные и упаднические мотивы, - А-Синь заблаговременно конфисковала вино и мясо в окрестных городках и приказала своим людям, переодевшись в сдавшихся военачальников уезда, щедро отправить эти запасы вместе с красавицами напрямик в город. - Что ж, предавайтесь безудержному веселью и упивайтесь страстью. Вам осталось жить считанные дни.

Когда реки отменного вина и толпы красавиц наводнили Мэнлян, солдаты, которые и без того только что одержали несколько крупных побед и получали похвалу от своего предводителя, с головой погрязли в пьянстве и блуде. Вождь Хуэрцзи велел им как следует отдохнуть и набраться сил, чтобы затем, восстановив энергию, на одном дыхании двинуться на юг и взять Жунин. Получив приказ генерала, воины окончательно потеряли голову от выпивки, устраивая оргии ночи напролёт.

Однако спустя несколько дней Хуэрцзи начал смутно подозревать неладное. Казалось, будто кто-то втайне подталкивает его людей к постепенному разложению и упадку. Он принял волевое и стремительное решение. Он немедленно ввёл сухой закон, приказал разбить все кувшины и запретил кому бы то ни было впредь привозить хмельное в город, пообещав казнить за неподчинение. Красавиц, находившихся в городе, вытащили за стены и поголовно закопали заживо, строго-настрого запретив даже упоминать о них.

С момента сокрушительного падения Мэнляна прошёл уже без малого месяц. Пора было заканчивать с наградами за победу. Хуэрцзи велел братьям собирать снаряжение и готовиться к выступлению. Пришло время продолжить резню на землях Великой Юй.

- Да только никуда они не уйдут, - Чжэнь Вэньцзюнь, помешивая в котле древесные корни и похлёбку с клёцками, хмыкнула и ехидно улыбнулась. - Чтобы удержать их здесь, я выложила весь свой капитал.

В каждую из десяти тысяч бочек вина, которые А-Синь отправила в город, Чжэнь Вэньцзюнь добавила свои «подарки». Это были целые повозки скрытых в меду «лезвий». С каждым глотком солдаты Чунцзиня незаметно для себя наносили глубокие порезы собственному горлу. Сами по себе эти крошечные раны поначалу казались неопасными, но, накапливаясь день за днём, они превращались в смертельное увечье.

В каждый кувшин с вином Чжэнь Вэньцзюнь подсыпала порошок из семян ночного лотоса.

Ночной лотос - это важнейший и самый ядовитый компонент «Порошка Фужун». Многие торговцы использовали его семена, добавляя их в еду, отчего та становилась невероятно ароматной, вкусной и вызывала мгновенное привыкание.

Добавление его в алкоголь принесло точно такой же, но многократно усиленный эффект.

У Чжэнь Вэньцзюнь было с собой не так много семян ночного лотоса, но, к счастью, при смешивании с вином их действие резко возрастало. Нужно было лишь растереть их в пыль и добавить по щепотке в каждый кувшин. Солдаты Чунцзиня, выпив чашу, требовали ещё и ещё, осушая по десять-двадцать кувшинов на человека ежедневно. За месяц непрерывного пьянства они поголовно превратились в законченных наркоманов. И тут Хуэрцзи внезапно ввёл сухой закон! Оставшись без капли алкоголя и лишившись женщин, воины, которым некуда было выплеснуть скопившееся напряжение, не находили себе места от дикой ломки. Они расчёсывали кожу до крови, металась в панике, вели себя неадекватно, не могли уснуть по ночам и также не могли прийти в себя днём. Как только они приходили в сознание, их охватывала бешеная, неконтролируемая ярость. Солдаты, которые ещё вчера были близки как братья, теперь из-за малейшего пустяка бросались друг на друга с кулаками и оружием.

- Что здесь происходит?! - Хуэрцзи, обосновавшийся в резиденции бывшего губернатора Лю Гуаня, рвал и метал от ярости. Он вызвал к себе Линь Цзяня и на языке племени Чунцзинь гневно спросил его:

- Эти люди Великой Юй применили какое-то своё чёрное колдовство? Почему мои братья превратились в такое отребье?!

Линь Цзянь в детстве дружил с мальчиком из племени Чунцзинь, благодаря чему неплохо освоил их язык и мог свободно изъясняться с Хуэрцзи. Выслушав гневную тираду вождя, он нашёл эту ситуацию весьма забавной:

- Люди Великой Юй считают воинов Чунцзинь людоедами и демонами, а Чунцзинь уверены, что Великая Юй колдуны, владеющие чёрной магией. Забавно получается. Генерал, люди Великой Юй не знают колдовства, зато они прекрасно умеют травить. Если я не ошибаюсь, в вино, которое не так давно привезли в город, подмешали какой-то яд. Скорее всего, это «Порошок Фужун».

- «Порошок Фужун»? Что это за дрянь?

- Это крайне популярное снадобье в землях Великой Юй. Оно способно укреплять тело, увеличивать выносливость, прогонять холод и поднимать дух. Приняв его, человек может стоять посреди лютой зимы абсолютно голым и не чувствовать стужи.

- Неужели существует столь мощное средство?

- Вот только эффект от него мимолётный, а привыкание страшное. Стоит принять его сверх меры, и ты уже никогда в жизни не сможешь бросить. Из-за множества побочных эффектов люди становятся агрессивными, одержимыми плотскими удовольствиями, у них начинаются галлюцинации. Когда наступает ломка, они творят такое, что, пожалуй, сами себя не помнят. Но самое страшное: при длительном и массовом употреблении человек начинает гнить заживо и погибает в страшных муках от язв и нарывов.

- Подумать только, они использовали столь гнусную и подлую уловку против моих братьев! - Хуэрцзи с силой грохнул ладонью по деревянному столу, содрогаясь от ярости. - Где сейчас прячутся эти ничтожные черви?

- Докладываю генералу: беглые солдаты и мирные жители, скорее всего, отступили на запад, в глухой уезд Цзе. Полагаю, император Великой Юй, Ли Цзюй, сейчас тоже находится там.

Хуэрцзи хотел было собрать силы и двинуться на уезд Цзе, для чего вызвал к себе нескольких командующих отрядами - «Матоу»¹. Однако у всех этих военачальников круги под глазами были чернее угля, дух полностью упадническим, а стоило им связать два слова, как из носа в три ручья текли сопли.

¹Лошадиные головы / Матоу (馬頭) - специфический военный термин кочевых племён северного Китая (Ху/Чунцзинь). Обозначает командиров конных отрядов, десятников или сотников.

Хуэрцзи пришёл в неистовую ярость от этого зрелища. Он приказал выволочь двоих из них наружу и отрубить им головы в назидание остальным, строго предупредив каждого солдата: любой, кто посмеет притронуться к выпивке, поплатится по законам военного времени.

Ненадолго никто действительно больше не осмеливался пить. Однако зависимость от «Порошка Фужун» была подобна невидимому и неубиваемому червю, она непрерывно прогрызала дыры в сердцах воинов Чунцзиня. Солдаты ходили с понурыми головами и опущенными плечами, их боевой задор угас, что нанесло колоссальный ущерб военным планам. Замысел Хуэрцзи устроить внезапное нападение на уезд Цзе оказался сорван. Ему не оставалось ничего другого, кроме как торчать в Мэнляне и пытаться навести порядок в разложившейся армии.

План Чжэнь Вэньцзюнь с отравлением увенчался полным успехом, что невероятно подняло боевой дух уцелевших отрядов в уезде Цзе.

В душе А-Синь, правда, относилась к этому двояко. Ведь когда-то она сама случайно приняла «Порошок Фужун» и на собственной шкуре испытала все круги адских, предсмертных мук. Она глубоко презирала это снадобье и всей душой ненавидела отравителей. Однако на войне не существует понятия «грязные методы», каждый триумфальный монумент возводится исключительно на костях проигравших. За долгие годы сражений она уяснила эту истину лучше любого другого. Поэтому А-Синь не поскупилась на похвалу перед всеми и со всей щедростью превознесла заслуги Чжэнь Вэньцзюнь.

А-Синь всегда чётко разделяла личные обиды и общее дело. Чжэнь Вэньцзюнь понимала это всё яснее. Получив такую поддержку, она принялась трудиться с ещё большим усердием и вместе с Бу Цзе занялась разработкой шуйпина, готова водную атаку.

Да-да, Бу Цзе всё-таки прибыл!

Поначалу Чжэнь Вэньцзюнь ни в какую не пускала его на северный фронт. Но этот упрямец тайно увязался вслед за армией и сбежал. К несчастью, по дороге он умудрился отстать от обозов и едва не пошёл на корм диким волкам в глуши. С превеликим трудом он всё же добрался до уезда Цзе. Разузнав, что после разгрома в Мэнляне все выжившие отступили сюда, а Чжэнь Вэньцзюнь и А-Синь регулярно поднимаются на гору Цаньсаньфэн для разведки, он сам разыскал их. Для Чжэнь Вэньцзюнь его появление было подобно встрече с родной матерью, которая принесла тёплую куртку посреди лютой зимы. От радости у неё едва не брызнули слёзы.

Бу Цзе, чья одежда превратилась в лохмотья, отчего сам он стал похож на дикаря, при первом же взгляде на Чжэнь Вэньцзюнь радостно вскинул руки в приветственном жесте:

- Госпожа!

Чжэнь Вэньцзюнь ответила на приветствие и звонко воскликнула:

- Шуйпин! Ой, нет... Вэньшэн!

- Шуйпин?.. - Бу Цзе искренне опешил.

Чжэнь Вэньцзюнь была настолько на взводе, что случайно выкрикнула вслух то, о чём лихорадочно думала в этот момент.

Она протянула Бу Цзе чашу с похлёбкой и клёцками, велев сперва поесть. Тот голодал несколько дней подряд, поэтому в один миг, шумно чавкая, опустошил её до дна. Едва он закончил, Чжэнь Вэньцзюнь тут же спросила, умеет ли он конструировать водяной уровень.

- Уж не задумали ли вы, госпожа, вернуть Мэнлян с помощью водной атаки? - Бу Цзе мгновенно всё понял, едва услышал вопрос. - Мой бывший наставник был великим мастером водных осад. Я перенял у него кое-какие крупницы знаний и даже участвовал вместе с ним в нескольких сражениях. Тогда я помогал ему мастерить водяной уровень шуйпин, визирную мишень чжаобань и мерную веху дугань. Но в те времена я был лишь на подхвате под чутким руководством учителя. Если мне придётся делать прибор самостоятельно с нуля, боюсь, придётся хорошенько пораскинуть мозгами.

Чжэнь Вэньцзюнь тут же принялась горячо подбадривать его:

- То, что ты хотя бы знаешь, как это устроено, уже великое благо! С сегодняшнего дня немедленно приступай к созданию осадных орудий! Я буду у тебя на подхвате! Ты будешь меня учить!

Чжэнь Вэньцзюнь оказалась поразительно смекалистой. Бу Цзе лишь процитировал ей строки из древнего военного трактата «Тайбай Иньцзин», описывающие устройство водяного уровня: «Веху соотносят с визирной мишенью, зажмурив один глаз, смотрят сквозь три плавающих деревянных зубца на мишень. По шкале на мерной вехе определяют разницу высот рельефа. Передвигаясь шаг за шагом, сверяют показатели, перемножая полученные меры. Так высоты холмов, глубину оврагов и уровень течения вод можно измерить с точностью до единого вершка».

***

Стоило ему вкратце объяснить основы, как Чжэнь Вэньцзюнь на лету схватила суть. Она смогла развить идею и досконально просчитать ключевые узлы будущей водной атаки. Более того, она сама указывала Бу Цзе на его ошибки в чертежах, чем заставила молодого учёного проникнуться к ней глубочайшим уважением.

Император Ли Цзюй мог бы выступить вперёд и лично поднять боевой дух людей, однако местный начальник уезда давно сбежал, и сейчас единственной, кто хоть как-то вела дела, оставалась А-Синь. А-Синь действительно была дочерью Се Фучэня, но в то же время она являлась возлюбленной принцессы Ли Яньи, и на чью сторону она в итоге встанет, оставалось загадкой. Ли Цзюй понимал: если А-Синь сейчас добьётся успеха, усмирить её влияние в будущем будет невозможно. Он не мог выступить в её поддержку и позволить ей забрать себе всю славу.

- Но почему?! Неужели вы готовы безропотно проглотить этот неслыханный позор и в вас нет ни капли желания отомстить и смыть обиду кровью? - спрашивала А-Синь у выживших солдат.

- Отомстить-то хочется, да только мы прекрасно знаем, чего стоим и на что способны. Мы с таким трудом вырвались из этой мясорубки, что дураков, готовых вернуться туда на верную

смерть, не найдётся.

- Верно, верно! Если бы нам не запрещали уходить, я бы уже давно удрал обратно на юг.

- Слова грубые, но смысл в них есть. Каждый из нас мечтает искромсать этих варваров в щепки, но надо же иметь трезвую самооценку. Сможем мы одолеть их или нет - прошлый раз всё наглядно доказал. Тогда с нами были два великих генерала, и то мы бежали так, что пятки сверкали. А в этот раз у нас даже нет никого, кто мог бы повести войска в бой. Ну и как воевать? Это же чистой воды самоубийство.

Один из личных гвардейцев, неотлучно следовавших за А-Синь, не выдержал:

- Кто сказал, что вести войска некому?! Наша госпожа А-Синь проходит огонь и воду на полях сражений вот уже без малого десять лет! Множество великих побед были одержаны под её личным руководством и стратегическим командованием! Неужели вы настолько невежественны и глухи, что никогда об этом не слышали?!

Толпа в ответ разразилась громким хохотом:

- Ты сам только что сказал, что А-Синь девка! Всё это лишь мелкие уловки молодой бабы. Настоящую-то работу на передовой всегда мужики за неё делали! Рассуждать по карте всякий горазд, а вот когда сталкиваешься лицом к лицу со свирепыми кочевниками, то совсем другое дело!

- Послушай нашего совета, девица А-Синь, не лезь ты больше на передовую. Всем известно, как эти похотливые варвары падки на баб. Если ты ненароком попадёшь к ним в лапы, нам что тогда делать? Сначала кочевников резать или девку спасать?

Волна издевательского хохота прокатилась по лагерю. Заступившийся за А-Синь гвардеец был совсем молодым юношей. Он безгранично уважал А-Синь за её выдающийся стратегический ум и не мог вынести, когда её имя смешивали с подобной грязью. Он мгновенно выхватил меч, готовый на месте изрубить этих сквернословящих ублюдков, но А-Синь твёрдой рукой остановила его.

Чжэнь Вэньцзюнь, наблюдавшая за этой сценой со стороны, заметила, что А-Синь оставалась абсолютно невозмутимой. Похоже, она давно привыкла к подобным речам и они ничуть её не задевали.

А-Синь спокойно взяла кувшин, налила себе вина в чарку и неторопливо произнесла:

- Если эти слова помогают вам заглушить страх и досаду от собственной беспомощности... что ж, исходите желчью сколько влезет. А как наговоритесь, то проваливайте обратно в свои родные края.

Солдаты на мгновение опешили, решив, что ослышались.

- Ты хочешь сказать... что мы можем уйти?

А-Синь кивнула спросившему:

- Разве вы цеплялись за жизнь и бежали изо всех сил не ради того, чтобы вернуться на родную землю и воссоединиться со своими семьями? Зачем иначе вам эта жизнь? Я отпускаю вас домой, разве это плохо?

Большинство из двадцати тысяч дезертиров и десяти тысяч мирных жителей, бежавших из Мэнляна, спали и видели, как бы поскорее сбежать. Просто поначалу А-Синь удерживала их, вынашивая план ответного штурма. То, что теперь она лично согласилась освободить им дорогу, оказалось полнейшей неожиданностью. Когда такое благо снисходит столь внезапно, люди невольно начинают сомневаться, подозревая о существовании скрытого подвоха.

Тогда А-Синь решительно подошла к городским воротам уезда Цзе и приказала своим гвардейцам распахнуть их настежь.

Ледяной, пронизывающий ветер ворвался в город снаружи. Она предельно ясно обозначила свою позицию.

- Кто хочет домой - проваливайте. Возвращайтесь и доживайте свои жалкие дни рядом с близкими. Но знайте, что как только вы уйдёте, армия Чунцзинь без труда сокрушит заставу Гуанъян и прямой дорогой ударит по столице Жунин. А когда Жунин падёт, эти дикари придут в дом к каждому из вас! Они вырежут ваших стариков-родителей и заберут себе ваших жён и детей! - А-Синь указала рукой на распахнутые ворота. - Убирайтесь!

От её леденящих душу слов у всех присутствующих кровь застыла в жилах. Город покинули лишь несколько сотен человек, подавляющее же большинство осталось на месте.

- Я даю вам время, пока горит последняя палочка благовоний, - А-Синь воткнула ароматическую палочку в землю и осталась стоять у ворот, выжидая тех, кто решит уйти со следующей волной.

Благовоние сгорело быстро. Больше никто не сдвинулся с места.

- Очень хорошо. Запирайте.

Тяжёлые городские ворота с грохотом захлопнулись. А-Синь обвела взглядом оставшихся людей. В их глазах читались сомнение, оцепенение и растерянность. Она вглядывалась в лицо каждого:

- Раз вы не ушли, значит, в ваших жилах ещё осталась капля горячей крови. Значит, вам всё-таки хочется показать этим варварам, где их место. А может, никакой отваги в вас и нет, и вы вовсе не горите желанием мстить заносчивым чунцзиньцам. Но вы люди умные и понимаете, что если останетесь здесь, то, возможно, и погибнете, но у вас хотя бы будет шанс на победу. А вот если сбежите, то вас ждёт только верная смерть. Вы помрёте в нищете, от голода, сгинете как безропотные рабы павшего государства! И даже если кому-то чудом удастся выжить и спастись, вы до конца дней будете нести на себе позорное клеймо дезертира! Разве этого вы для себя хотели? Если даже я - та, кого вы называете «молодой девкой» способна выйти на передовую и драться с варварами не на жизнь, а на смерть, то чего боитесь вы, мужчины?! Неужто вы трусливее меня, девицы?!

А-Синь ходила взад-вперед сквозь толпу, заглядывая каждому в глаза и бросая свои хлёсткие вопросы. Казалось, будто один человек вступает в яростный спор с многотысячной армией.

Мужчины, которые ещё недавно поднимали её на смех, никуда не ушли, и от слов А-Синь у них судорожно подёргивались веки.

- Тоже мне, мужчины, - А-Синь резко схватила за ворот того самого солдата, что кричал, будто «настоящие мужики всегда впереди». - Почему вы уступаете воинам Чунцзиня? У вас кишка тонка?!

Лицо мужчины перекосило от напряжения, а кулаки сжались так, что стали твёрже камня.

- На самом деле, кто из нас не боится смерти? Все боятся, и я тоже, - А-Синь отпустила его и присела на каменные ступени у дороги. Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что взгляды абсолютно всех присутствующих были прикованы к ней и люди ловили каждое её последующее слово.

- Человеческая жизнь мимолётна, точно прыжок белого коня через расщелину. Я боюсь умереть, но ещё больше я боюсь подохнуть, так ничего в этой жизни и не совершив, уйти в сырую землю, не вкусив ни одной радости, и стать кормом для червей и муравьёв! Да, война жестока. Но неужели вы все поголовно обречены на гибель? Нет! Зато за эту войну вы гарантированно получите щедрые награды и титулы! - А-Синь указала рукой на восток, где высилось здание уездной управы под ярко-красной черепичной крышей. - Там находится Сын Неба, правитель нашей Великой Юй! Всё, что вы совершите сегодня, он увидит собственными глазами! Разве стоит переживать о награде, когда мы прогоним чунцзиньцев?! Сколько людей всю жизнь безуспешно ищут возможность пробиться наверх, но так и не находят её. Сколько людей молят о войне ради шанса прославиться и совершить подвиг?

И вот сейчас этот шанс в ваших руках! Поставить на кон жизнь, чтобы завоевать богатство и почёт на веки вечные. Так скажите мне, разве это плохая сделка? Говорят: «Отдай жизнь в час народной беды, иди на смерть, словно возвращаешься домой»². Но если вы не способны держать в сердце мысли о спасении Поднебесной, то хотя бы ради самих себя ухватитесь за этот шанс выбиться в люди и взлететь к вершинам! Победитель становится правителем, проигравший - никем, разве не так повелось с древнейших времён? Зачем вы вообще явились в этот мир, если готовы безропотно сгнить в земле, так ничего и не сделав?!

²«Отдай жизнь в час народной беды, иди на смерть, словно возвращаешься домой» (□□□□□□□□□□ □) - прямая цитата из знаменитого стихотворения «Белый конь» (□□□) выдающегося поэта эпохи Троецарствия Цао Чжи. Эти строки воспевают идеалы беззаветного патриотизма и воинской доблести, когда служение родине в момент опасности важнее собственного выживания.

А-Синь наконец ударила по самому живому месту. Чжэнь Вэньцзюнь увидела, как на лицах этих бедняков, которые всю жизнь терпели нужду и до смерти устали от нищеты, сквозь ярость проступила сложная смесь предвкушения и надежды.

- Несите сюда! - А-Синь резко поднялась и выкрикнула приказ. Её гвардейцы тут же вытащили и поставили перед толпой более десятка огромных сундуков.

Люди с любопытством вытянули шеи. Пронёсся гул приглушённых пересудов.

Чжэнь Вэньцзюнь тоже затаила дыхание от восторга. Сколько бы речей ни толкала А-Синь, ничто не могло сравниться по силе и соблазну с этим финальным аккордом!

Крышки сундуков одновременно распахнулись с оглушительным треском. Присутствующие ахнули. Сундуки были до краёв набиты чистым золотом. Большинство из этих бедняков за всю свою жизнь не видели подобного богатства. Золото ярко поблёскивало даже сквозь пелену пасмурного дня. У людей округлились глаза, они не могли оторвать взгляд от сундуков, и у каждого потекли слюнки.

- Помимо милостей от императора, я объявляю: те, кто пойдёт в авангарде и ринется в бой в первых рядах, смогут брать это золото без ограничений! Сколько сумеете унести - всё ваше!

Если обещанные награды Сына Неба казались чем-то далёким, журавлём в небе, то

высившаяся перед ними гора золота была самой что ни на есть осязаемой реальностью. К тому же эта девица из семьи Се заявила, что его можно брать просто так?!

Несколько мужчин выскочили вперёд и, указывая на неё пальцами, крикнули:

- Ты держишь своё слово?! Твои обещания правда?!

- Святая правда, - А-Синь лёгким движением руки сорвала со своего пояса дорогую нефритовую подвеску и швырнула им. - Если не верите, этот залог остаётся у вас.

Они были простыми мясниками, забивавшими свиней и баранов, и отродясь не умели отличать изысканный нефрит от подделки. Но эта подвеска была настолько гладкой, безупречной и тёплой на ощупь, что с первого взгляда было ясно, что за неё можно выручить огромные деньги.

Видя, что эта женщина ни капли не колеблется и без раздумий отдаёт свою личную вещь в качестве залога, толпа окончательно поверила её словам.

- Золото и серебро я могу отдать вам целиком. Но взяв мои деньги, отныне вы становитесь моими воинами. И ещё кое-что я должна прояснить, - А-Синь обнажила длинный меч, с которым никогда не расставалась, и направила острие на толпу. - Если вы дрогнете в бою и отступите, вас покарают по законам военного времени. Пощады не будет никому.

Чжэнь Вэньцзюнь понимала: А-Синь применила стратегию, к которой прибегают все великие полководцы. Как сказано в трактате «Лю Тао»: «Награда должна быть высока, как гора, а наказание - глубоко, как бездна»³. Чёткое разделение поощрения и кары - это первооснова. Вознаграждение обязано быть щедрым, чтобы разжечь боевой пыл солдат, а наказание суровым, чтобы искоренить малодушие и сплотить армейский дух.

³Лю тао (六韜) - «Шесть секретных учений». Знаменитый древнекитайский военный трактат, авторство которого традиционно приписывается великому стратегу Цзян Цзыя (эпоха Чжоу).

А-Синь действительно оказалась опытным военачальником. За считанные мгновения она вновь собрала воедино разрозненную, павшую духом толпу. Теперь у неё были люди для ведения войны, а её личный авторитет взлетел до небес. В армию стали массово и охотно записываться даже простые жители Мэнляна и уезда Цзе.

Одна хрупкая и миловидная девчушка, которая на вид ещё даже не достигла возраста совершеннолетия, подбежала к А-Синь и воскликнула:

- Сестрица, сестрица! Я тоже хочу в армию, хочу бить варваров! И ещё я хочу большой золотой слиток! Можно мне с вами?

А-Синь усадила её рядом с собой:

- Конечно можно. Никогда не сомневайся в своих силах. Ты сможешь и разбойников-ху уничтожать, и золотые слитки получать.

- Меня зовут А-Вэнь, - представилась девочка. - Отец с матерью дали мне это имя, потому что хотели, чтобы я прожила всю жизнь тихо, мирно и благополучно, без болезней и бед. Они строго-настрого запрещали мне показываться на людях. Вот только я терпеть не могу этот ваш покой! Мне нравится воевать, война - это самое увлекательное занятие на свете! Я с самого детства зачитывалась военными трактатами и вполне могу стать твоим помощником! Сестрица,

позволь мне следовать за тобой, хорошо? Ты кажешься мне такой невероятной!

- А-Вэнь, воевать вовсе не весело, - А-Синь не стала отмахиваться от неё из-за малого возраста, а ответила со всей серьёзностью:

- Война - это вынужденная мера. Это путь, где каждый идёт по лезвию ножа. Если ты действительно хочешь служить в армии, то первым делом должна понять, как не допустить начала войны и как сберечь мир на вверенной тебе земле. И лишь затем нужно учиться убивать врагов. Вот это правильный порядок.

Глаза А-Вэнь наполнились искренним восхищением. Она внимательно слушала, стараясь навечно запечатлеть в памяти каждое слово А-Синь.

Глядя на то, как А-Вэнь и А-Синь сидят рядышком, Чжэнь Вэньцзюнь невольно вспомнила Вэй Тинской.

Интересно, неужели в глазах других людей они с Вэй Тинской выглядели точно так же, когда были вместе?

Она устремила взор на затянутый тучами небосвод, откуда сыпал снег. В морозном воздухе помимо холода будто бы уже явственно ощущался тонкий запах крови.

Поела ли сегодня та, о ком я так тоскую? Держит ли она в руках маленькую жаровню, чтобы согреться? - подумала Чжэнь Вэньцзюнь.

В общей сложности из уцелевших остатков защитников Мэнляна, беженцев, местных жителей уезда Цзе, гарнизонных солдат и личных гвардейцев удалось набрать сорок шесть тысяч воинов. А-Синь продолжила созывать добровольцев в окрестностях уезда, не делая различий ни по происхождению, ни по полу. В строй принимали любого, кто был способен натянуть лук силой в четыре цзюня или сдвинуть боевой арбалет весом в девять чэ. Таким образом удалось собрать ещё более четырёх тысяч человек.

Пятидесятитысячная армия была полностью экипирована и готова к выступлению. Секретное осадное оружие, созданное Чжэнь Вэньцзюнь, было завершено, и все приготовления к водной атаке подошли к концу.

Теперь оставалось дождаться лишь одного.

Когда Бу Цзе даст сигнал.

Бу Цзе умел читать знаки небес и по ночным очертаниям облаков и звёзд мог безошибочно определить погоду на следующий день.

Им нужно было, чтобы Бу Цзе вычислил самый идеальный момент для удара.

После долгих дней томительного ожидания рвущиеся в бой солдаты наконец получили долгожданный приказ: завтра начнётся наступление! Сплотившись как один, они вернут Мэнлян!

Думая о грядущем богатстве, славе и почестях, воины едва сдерживали ликование!

***

Вождь Хуэрцзи получил послание о капитуляции. Письмо было отправлено лично

губернатором заставы Гуанъян.

Хуэрцзи велел Линь Цзяню прочесть послание вслух. В тексте вождя Чунцзиня превозносили до небес, сравнивая его с самим Сян Юем в новом воплощении, а также заявляли, что вся застава Гуанъян от мала до велика готова безропотно подчиниться Чунцзиню и стать верными подданными Улаэра.

Улаэр был верховным божеством племени Чунцзинь, и Хуэрцзи, разумеется, прекрасно знал это имя, а вот кто такой Сян Юй, не имел ни малейшего представления. Линь Цзянь в общих чертах поведал ему историю о противостоянии царств Чу и Хань, случившемся несколько веков назад, и этот рассказ пришёлся Хуэрцзи очень по душе.

- Вы, люди Центральных равнин, воистину хитры и коварны, - усмехнулся вождь.

Разумеется, Хуэрцзи был слишком опытен, чтобы потерять голову от одного лишь письма, подлинность которого ещё предстояло доказать. Он выделил тысячу легковооружённых всадников и отправил их к Гуанъяну для разведки обстановки.

Однако едва эта тысяча всадников доскакала до подножия горы Цаньсаньфэн, как они тут же угодили в скрытые ловушки, устроенные Чжэнь Вэньцзюнь. Острые шипы сбросили их с сёдел, и в одно мгновение усыпляющий яд "Сай Мафэй" парализовал воинов так, что те не могли даже пошевелиться. А-Синь немедленно приказала своим людям догола раздеть пленных и переодеться в их обмундирование. Её план заключался в том, чтобы на вражеских конях под видом конницы Чунцзиня тайно проникнуть в город и нанести удар одновременно изнутри и снаружи.

Вот только боевые кони чунцзиньцев оказались невероятно строптивыми и дикими. Почуввав чужаков, они тут же принялись неистово брыкаться и вставать на дыбы. К счастью, Бу Цзе оказался непревзойдённым знатоком лошадей. Он велел воинам не паниковать и вкратце объяснил им ключевые правила укрощения степных коней. Не прошло и получаса, как почти все свирепые скакуны были полностью усмирены. Лишь две лошади до последнего наотрез отказывались подчиняться, и Бу Цзе без колебаний приказал забить их на месте.

Цзо Куньда, который с самого детства служил посыльным и был страстно, до безумия влюблён в лошадей, прекрасно понимал, что эти животные, отказавшиеся покориться, были самыми преданными и верными жожаками. Увидев, как их забивают насмерть, он не сдержался и горько разрыдался.

Бу Цзе мягко объяснил ему, что если не убить этих верных коней сейчас, то позже они всё равно уморят себя голодной смертью, тоскуя по прежним хозяевам. Уж лучше помочь им уйти из жизни быстро и без лишних мучений.

Рассчитав точное время, необходимое на дорогу туда и обратно, Бу Цзе также вычислил, на какой именно день придётся самый пик падения температуры. Он знал, что сразу после густого тумана наступит резкое и суровое похолодание.

Когда заветный день настал, замаскированное под конницу Чунцзинь войско Великой Юй под прикрытием плотного, ещё не успевшего рассеяться тумана начало медленно приближаться к воротам Мэнляна.

Часовые, стоявшие на оборонительных стенах, не могли толком разглядеть лица приближающихся всадников. В туманной дымке те были смутно похожи на легковооружённую конницу, которую ранее отправил в дозор их генерал. Стражники уже собирались было

распахнуть ворота, как их резко перехватил заместитель командующего Буэрту

- Стоять! Не смей открывать! Это переодетые лазутчики Великой Юй!

<http://bllate.org/book/17227/1732126>